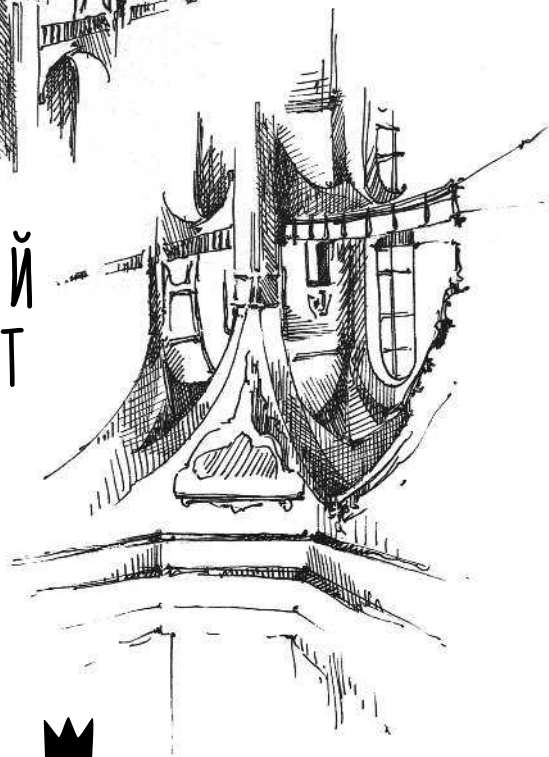

СОНЯ ФРЕЙМ

СОНЯ ФРЕЙМ

ОПАСНЫЙ
ВОЗРАСТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Ф86

Соня Фрейм
ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ

Иллюстрации в тексте *Наталии Онашко*
Дизайн обложки *Александры Булгаковой*

Фрейм Соня.

Ф86 Опасный возраст / Соня Фрейм. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-17-107833-1

В шестнадцать лет мы не задумываемся о будущем. Мы не знаем, чем будем заниматься и какими людьми станем. Нас не беспокоит то, к каким последствиям могут привести наши поступки. Пока эти последствия не наступают на нас.

В шестнадцать лет мой мир слетел со своих координат, и отныне шуточки кончились.

Меня зовут Сергей, и я расскажу вам про самый важный год в моей жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-107833-1

© Соня Фрейм, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Я посвящаю эту книгу маме.
Именно она больше всех пострадала
от моего опасного возраста.
Пусть этот роман будет маленькой просьбой
о прощении.

**САША.
ТЕАТР ТЕНЕЙ**

*Cause on top of the world is where I'm from,
The back of the class is where I was.
Keeping quiet, playing dumb.
Can't you see these skies are breaking?
Cause the back of the class is where I'm from.*

*Потому что я пришел с вершины мира,
А был за последней партой в классе.
Сидел тихо, изображал дурачка.
Ты не видишь, как разверзнутся небеса?
Потому что с последней парты —
вот откуда я пришел.*

Placebo “One of a kind” / «Один в своем роде»

1

Яне думаю, что Саша хотел привлечь внимание своим самоубийством. Но с такими вещами иначе не бывает. Сложно сохранить в тайне собственную смерть, если вам шестнадцать лет, потому что смерть подростка всегда трагична и ужасна. А если вы сводите счеты с жизнью после тридцати, большинство людей только разведет руками и скажет, что вы — псих.

Так что, когда Саша повесился, об этом узнали все в один миг, и сложно сказать, чего было больше: испуга или какого-то нездорового ажиотажа. Это случилось в начале декабря, в ночь перед его днем рождения. В квартире больше никого не было: говорят, его предки свалили куда-то по делам.

Надо в таких случаях прятать все веревки, ножи и спички. В шестнадцать лет может произойти что угодно.

Сашу обнаружили днем. «Повезло» соседке. Она увидела, что дверь квартиры приоткрыта, и решила узнать, в чем дело. Я все еще иногда гадаю, специально ли Саша оставил ее незапертой.

Так вот, она зашла, а потом включилось предчувствие. Эта разновидность предвидения зависает в особенной тишине комнаты, в которой дрожат отголоски чьей-то разрушенной жизни, и очень хочется уйти... Но приходится идти вглубь квартиры, по коридору, оклеенному голубыми обоями.

Чтобы дойти до конца и увидеть Сашу.

Следующим был Ян, наш одноклассник, живший с Сашей в одном доме. Он как раз спускался по лестнице, когда услышал крик, и тоже ринулся в этот злосчастный дверной проем — в сердце трагедии, манящей к себе каждого.

Мне кажется, что Саша не из тех людей, которые любят устраивать шоу из чего бы то ни было. Он всегда был скромным и избегал любых публичных проявлений своего существования. Вряд ли его самоубийство было продиктовано той же скромностью, но думаю, он не хотел широкого освещения.

Самоубийство — это что-то очень личное.

Однако в таких ситуациях есть множество сходящихся неизбежностей, и одна из них — крики соседок.

Другая — появление любопытствующих вроде Яна.

Третья неизбежность — в непередаваемом ужасе родителей, которым эта новость перекроет кислород.

В тот день я убедился в расхожей истине, что самоубийство ко всему прочему — еще и очень эгоистичный шаг. Самоубийцы заставляют других быть причастными. Они тащат за собой в эту черную дыру, и ты падаешь следом, хотя все еще жив.

Большинство людей избегает мыслей о смерти, потому что им хочется жить — и я их понимаю.

Третьим, кто увидел его тело в петле, был я. Я пришел поздравить его с днем рождения. Возможно, мы бы пошли в кино или прогулялись вдоль речки. Вместо этого мне пришлось смотреть на его труп, и в тот момент я почувствовал, что что-то во мне летит в зияющую пропасть.

Ту часть себя я так и не смог восстановить. Она куда-то ушла вместе с Сашей.

— Ну, что скажешь? — Ян разглядывал меня исподлобья, прислонившись к стене подъезда.

Вокруг ходили люди и переговаривались, с недоверием и ужасом посматривая в сторону приоткрытой двери квартиры.

Я перевел на него взгляд, чувствуя, что слов нет. Внутри что-то колыхалось, как тревожное море, хотя внешне я оставался спокоен. Ян тоже не особо волновался, на его губах даже скакала какая-то ухмылка. Он пытался казаться саркастичным и невозмутимым, но выглядело это жалко.

— Представляю, каково тебе, — покачал он головой. — Как-никак вы дружили.

2

На самом деле это сложно объяснить, но я бы не осмелился назвать мое общение с Сашей дружбой. Было бы точнее сказать: мы хорошо друг к другу относились.

Для каждого класса типично, что изгои начинают вынужденно общаться или даже имитировать какую-то соли-

дарность. Те, кто слабее, делают это потому, что не хотят оставаться одни, ведь тогда их статус станет совсем невыносимым. В отстое всегда легче, когда вас хотя бы двое.

Я люблю называть вещи своими именами. Мы с Сашей были аутсайдерами. Таких как я обычно сажают за самую дальнюю парту и стараются не трогать, а таких как Саша щиплют и колют из злого веселья. Его беспомощность была провоцирующей. Он не возражал, да и противопоставить ему было нечего.

Мы начали общаться прошлым летом. До этого жили в разных мирах. Но так получилось, что родители сослали нас в один лагерь, полагая, что необщительные дети нуждаются в насильственной социализации. Там мы и встретились.

Лагерь находился на берегу лазурного озера, и вода в нем была как жидкий лед. Помню, что вдали виднелись бледные контуры гор, а небо переливалось всеми оттенками синевы. Большую часть времени я бродил по округе в наушниках, избегая командных игр и намеренно игнорируя походы. Мне нравилось, когда меня окружала природа и я чувствовал на своих голых руках ветер. В такие моменты мне казалось, что я живу другой жизнью.

Саша тоже шатался как неприкаянный. Его никуда не брали из-за астмы, и он не знал, что делать со своей свободой.

Мы столкнулись в каком-то поле, да так и проторчали там целый день, валяясь в сене. Почти не говорили: он был из тех людей, с которыми можно молчать, не испытывая неловкости. А если и болтали, то о всякой ерунде: еде в столовой, нашей идиотской школе и прочем.

Так стало повторяться изо дня в день. Мы никогда не сговаривались, но сталкивались в одном и том же месте после

полудня. Это превратилось в странный ритуал: приходиться в поле, чтобы найти друг друга и молчать.

В его безмолвии таилось много смыслов. Одним из них была благодарность, что мы могли хранить тишину вместе.

Я представлял, что неплохо его узнал. Он казался понятным человеком, хотя определенно в нем существовала пара закрытых дверей. Я хорошо разбирался в людях, и то, что я думал о нем раньше, так или иначе подтвердилось.

Саша. Интроверт с задней парты. Их пруд пруди в каждой школе. Говорят, у них неразвитые коммуникативные навыки. *Комплексы*. Для них не осталось никакого выхода, кроме как закрыться в своем внутреннем мире: так они не чувствовали боли во внешнем.

Саша. Слишком мягкий, пассивный, может быть, даже инфантильный, но не лишенный понимания сути вещей. Он весь был в своих увлечениях, так называемых странноватых хобби, заменивших ему друзей. Он конструировал роботов, читал научную фантастику и почему-то разбирался в трип-хопе. Не имея возможности общаться со сверстниками, — вернее, будучи ими отбракованным, — Саша компенсировал это поглощением информации и накоплением бесполезных, но занимательных знаний. Например, изучил названия всех рыб на латыни.

Свои проблемы с классом он обсуждать не любил, да и я никогда не лез к нему в душу. В целом он был отзывчивым и неглупым парнем. Просто у него не заладилось общение с другими.

Самое запоминающееся случилось в конце сезона. Все собрались на главной поляне, готовясь к прощальной вечеринке, а мы слиняли, чтобы поторчать на озере. Вода по-

степенно темнела, и багровый горизонт медленно сужался в сумерках. Мы стащили из кухни пару бутылок лимонада и распили его вдаль от всех. Это было хорошее завершение лета.

Потом под грохочущую вдаль музыку мы бесцельно брели по пляжу, и наши ноги увязали в рыхлом, немного грязном песке, в котором пестрели бутылочные крышки.

Так мы дошли до высокого забора. Кто-то из лагеря говорил, что он проходит и под водой и под ним невозможно проплыть. За ним находился дорогой пансионат, и периодически на той стороне виднелись силуэты девушек в купальниках.

Из любопытства мы подошли вплотную и увидели, что это обычное ограждение на пирсе, и уж точно там ничего нет под водой.

— Они бы еще придумали, что по нему проходит электрошок, — поиздевались мы над глупыми слухами... и полезли.

Делать все равно было нечего, а на той стороне сейчас вроде бы никого не виднелось. К тому же пирс был в несколько ярусов, и в тот момент ничего не казалось привлекательнее маленького ночного приключения.

Чтобы перелезть через прутья, надо было дойти до середины пирса по внешней стороне, где виднелся довольно широкий проем. Несколько метров пришлось ползти над водой, и темная бездна под нами колыхалась как живая. Саша двигался за мной, намертво вцепившись в прутья, и я чувствовал его страх.

— Давай назад, — предложил он. — Опасно. И спялят еще.

— Да брось, кто нас поймает?..

Тогда я не обратил внимания на его поведение. Саша был против, но все же пошел за мной. Впоследствии я узнал, что он всегда так делал. Он много чего не хотел, но никогда не мог сказать «нет».

И тут мне в лицо ударил свет фонаря.

Краем глаза я заметил, что Саша мигом присел на внешней кромке пирса, как член спецназа.

— Это еще что такое?

Нас засекала охрана.

— Добрый вечер, — сказал я, спокойно глядя в слепящий круг. — Мы бы хотели походить по вашему пирсу.

— Пирсу?

— Ну да. Можно?

Раздался приглушенный смешок, и тот, кто стоял за бельмом фонаря, сказал:

— Ну давай, лезь, парень... Не вниз же тебе прыгать.

Саша чуть ожил и проследил за тем, как я поднимаюсь наверх. У края замер охранник в форме. Я махнул ему рукой, и тот добродушно хмыкнул. Где-то сзади раздалась возня. Саша поднимался вслед за мной.

— Только недолго, — предупредили нас.

Я кивнул и прогулялся туда и обратно. Отсюда небо, усыпанное звездами, казалось ближе, а прямо над нами висела полная луна. Мы глядели то вверх, то вниз и не могли насмотреться.

— Здорово, да? — спросил Саша.

Я кивнул. Как мало, оказывается, людям нужно, чтобы почувствовать себя частью чего-то большего...

Внизу мы уловили какое-то странное движение. Я увидел, что охранник отставил в сторону свой фонарь и размотал